

Ш.Курильски-Ожвэн

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ЛОКАЛЬНОМ И ГЕНДЕРНОМ КОНТЕКСТАХ: ЖЕНЩИНЫ МОСКВЫ И ИВАНОВО*

* Перевод с англ. языка М. В. Матвеевой. Статья опирается на данные российско-французского эмпирического исследования, начатого еще в 1993 г. В «Политии» уже публиковалась работа Ш. Курильски-Ожвэн «Особенности правовой социализации в России» (№ 4, 2000–2001, С. 67–73). См. также: О. М. Здравомыслова. Новый взгляд на общество? (Изменяющееся представление о власти, справедливости и солидарности) // *Полития*. 2003. № 1. – С. 34–51.

Независимо от того, какая сфера общественной жизни (работа, семья и т. д.) регулируется правовыми нормами, отношение личности к закону связано и с повседневным опытом, и с индивидуальным восприятием юридических норм, налагающих обязательства или предоставляющих права. Наши исследования понимания человеком права, правового сознания взрослых, а также правовой социализации детей и подростков¹ подтверждают, что личностные установки по отношению к закону связаны с «Я-концепцией» (представлениями о себе с детства) и с первыми опытами, формирующими идентичность личности².

Однако внутри одной культуры трактовка индивидом права, которое, согласно Гиртцу³, «есть часть собственного представления о реальности», может зависеть от возраста, социального окружения и гендера. Не углубляясь в дискуссию о том, что такое гендерные исследования и исследования «феминистские» (в которых я не являюсь специалистом), я бы определила гендер как позицию и способ поведения индивида, социально сконструированные в соответствии с тем, что данная культура ожидает от определенных полом ролей.

В течение долгого времени считалось, что в процессе социализации различия по признаку пола играют вторичную роль по сравнению с социальными. Последние были более дифференцирующим фактором, пол и возраст становились элементами социализации уже внутри каждого социального слоя⁴. Однако наши предыдущие исследования⁵ выявили следующее: несмотря на общественное положение личности, на то, что семья зачастую определяет, как человек интерпретирует мир, есть области деятельности, где факт принадлежности к мужскому или женскому полу более важен, чем различия социальные, которые, таким образом, играют вторичную роль. В 1987 г., занимаясь изучением, в частности, правовой культуры французских подростков 11–17 лет, я заметила, что все мальчики в понятие «равенство» вкладывали юридический смысл (равные права, равенство перед законом), а девочки воспринимали его как «личностную» ценность и не трактовали в юридическом значении практически до конца подросткового периода. Кроме того, в представлениях девочек юридические концепции неотделимы от людей, вовлеченных в действия,

¹ Kourilsky-Augeven Ch. *Socialisation juridique et modele culturel // Socialisation juridique et conscience du droit*. P., 1997. P. 11–31.
Kourilsky-Augeven Ch. (issue ed.) *Legal consciousness et socialisation juridique: pour un dialogue franco-americain // Droit et cultures*. 1998. Vol. 35. N 1. P. 7–18.

² Kourilsky-Augeven Ch. (ed.) *Socialisation juridique et conscience du droit*. P., 1997.
Munger F., Engel D. *Civil rights and self-concept: Life stories of law, disabilities, and*

employment // Droit et cultures. 1998. Vol. 35. N 1. P. 43–72.

³ Geertz C. *Fact and law in comparative perspective // Geertz C. Local knowledge: Further essays in interpretive anthropology. N. Y., 1983. P. 167–234.*

⁴ Passeron J.-C., Singly F. de *Différences dans la différence. Socialisation de classe et socialisation sexuelle // Revue française de science politique. 1984. Vol. 34. N 1. P. 48–73.*

⁵ Kourilsky Ch. *Connaissances et représentations du droit chez les 11–17 ans en France // Kourilsky C. along with Borucka-Arctowa M., Magoska M., Mos U., Skapska G. Les 11–17 ans face au droit en France et en Pologne. Une enquête comparative de socialisation juridique. P. 85–116 // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1990. Vol. 21. N 3. P. 85–137.*

Kourilsky Ch. La perception du droit dans la vie quotidienne: les représentations des concepts de droit privé chez les 11–17 ans // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1991. Vol. 22. N 4. P. 77–102.

⁶ Gilligan C. *In a different voice: Psychological theory and women's development. Cambridge, 1982.*

⁷ Arutiunyan M. *Socialisation juridique et socialisation sexuelle // Socialisation juridique et modèle culturel. L'image du*

которые этими концепциями регулируются. К тому же они затруднились определить обязательство выплатить ссуду, моральный смысл этого обязательства, смысл юридического спора; в отношении вовлеченных в судебное разбирательство – не отличали собственника от партнера по контракту, для них это было практически одно и то же. Это дает нам основание согласиться с гипотезой Джиллигана⁶: чувство морали у девочек фиксируется на поддержании межперсональных связей, тогда как мальчики четко разграничивают права, даже невзирая на риск возникновения конфликта. Сравнительное исследование 1993 г., проведенное во Франции и России с использованием той же самой методики при сопоставлении реакций подростков 11–18 лет, выявило два явления.

Первое. Во Франции различия, обусловленные гендером и социальным окружением, стали менее заметными по сравнению с 1987 г., те же различия в России все еще оставались достаточно явными. Второе. Мы увидели, что и на французских, и на российских девочек по-прежнему влияли вышеупомянутые «универсальные для каждого из полов» установки⁷.

Изучение восприятия права в России вынуждало нас принимать во внимание дополнительные обстоятельства: воздействие социальных и политических изменений и, следовательно, временного фактора на мировоззрение, взаимоотношения людей и их понимание закона.

Следующее исследование проводилось в России в 2000 и 2001 гг. и было посвящено влиянию временного фактора и регионального контекста на правовое сознание людей. Опрашивались две одинаковых группы – одна в Москве, другая в Иваново. Респонденты высказывались относительно представлений о законе, о ценностях, лежащих в их основе, о собственном поведении применительно к закону. Мы расширили сферу изучения правовой социализации и правового сознания. Кроме статичного представления о влиянии национальной культуры и затем, на индивидуальном уровне, возраста, сексуальных и социальных фонов стала учитываться местная специфика. Как она обуславливает опыт человека и ценности, полученные в процессе образования и воспитания? В частности, каким образом она влияет на усвоение образцов рассуждения, аргументации и поведения и как это зависит от пола ребенка?

Данные, обобщенные здесь, были собраны в течение двух лет и являются частью международного научно-исследовательского проекта «К новой России? Изменения представлений о законе и способов его применения обычными людьми»⁸. Как и в предыдущих исследованиях правовой социализации, в данном случае применялись методики автора, базирующиеся на свободных (спонтанных) ассоциациях, заданных серией ключевых слов из повседневной и юридической лексики, и на селективных (избирательных) ассоциациях с этими ключевыми словами ряда ценностей. Проект, реализованный в Москве

droit en Russie et en France / Kourilsky-Augeven C. along with Arutiunyan M., Zdravomyslova O. P., 1996. P. 109–172.

⁸ Этот проект был финансируван INTAS (Брюссель, Исследовательский проект 99-01157). Дополнительное финансирование, полученное департаментом международных отношений французского Национального центра научных исследований, покрывало стоимость поездок для французских и российских социологов в рамках соглашения о научном обмене между CNRS и Российской академией наук. Координировали этот проект Ш. Курильски-Ожэви, а также группа шведских исследователей под руководством профессора Пера Мэнсона из Гетеборга и две группы российских ученых – из Российской академии наук и российского Министерства образования, возглавляемые

и в Иваново, состоял из трех частей. Первая часть была проведена в 2000 г. и посвящена когнитивным представлениям о законе у подростков и взрослых. Вторая (2001 г.) заключалась в заполнении анкеты (700 взрослых), содержащей вопросы об использовании закона в повседневной жизни. Третья часть (2002 г.) представляла собой опрос респондентов методом глубинного интервью (опрошено десять человек в каждом городе).

Мы выдвинули следующую гипотезу: восприятие человеком действительности, различных социальных действий и закона подвержено воздействию трех факторов: 1) обусловленности действий индивида ролями, навязанными ему полом и местом, где человек вырос; 2) степени удовлетворенности от того, что местный контекст влияет на его действия; 3) восприятия человеком его/ее личной способности приспособляться к меняющемуся контексту.

Статья содержит оценки различий в понимании права между женщинами Москвы – столицы и экономически развитого города, и Иваново – города с депрессивной экономикой, расположенного в 300 км к северо-западу от Москвы. Исходя из первого исследования (2000), посвященного идеям и ценностям, связанным с законом, я выбрала два главных понятия – свобода и работа, больше всего затрагивавшие повседневную жизнь опрошиваемых. Я также выделила два других понятия – связь с семьей и связь с миром. Почему были выбраны эти четыре понятия, ведь все они намного шире, нежели их юридическое выражение? Закон – полноценная часть ежедневной жизни, даже если люди не всегда отдают себе в этом отчет, в частности, когда правовая норма формулирует существующую социальную норму и, таким образом, может быть ею замещена⁹. Представления о законе возникают в детстве, параллельно с представлениями о мире, частью которого закон является¹⁰.

1. Повседневная жизнь, выраженная в понятиях свободы, работы и семьи

в Москве Ольгой Здравомысловой и Мариной Арутюнян, координировавшими сбор и компьютерную обработку данных.

1.1. Свобода – ценность, основанная на реальности и иногда на законе

В феврале 1993 г., за несколько месяцев до разгона Ельциным Верховного Совета, мы проводили исследование среди подростков 11–18 лет, проживающих в Москве. Нас очень удивил тот факт, что в это беспокойное время российские подростки, особенно девочки, оценивали свободу как абсолютную и безграничную, что можно было объяснить замещением понятия «свобода» русским словом «воля», очень близким по смыслу. К моменту окончания средней школы они, по всей видимости, всё еще имели такое представление о свободе, которое не включало другие смыслы. Параллельно работая над этим проектом в Париже, мы обнаружили, что 11–12-летние дети также спонтанно связывали «свободу» со «свободой делать все, что хочется», однако такое представление уменьшалось после 13–14 лет и было

⁹ Carbonnier J. *Les phénomènes d'inter-normativité // Europe-*

an yearbook in law and sociology / Blegvad B. M., Campbell C. M., Schuyt C. J. (eds.). 1977. P. 42–52.

¹⁰ *Kourilsky-Augeven Ch. Image du droit et image du monde // Socialisation juridique et modele culturel. L'image du droit en Russie et en France conscience du droit / Kourilsky-Augeven C. along with Arutiunyan M., Zdravomyslova O. P., 1996. P. 233–246.*

незначительным у 16–18-летних – в этом возрасте свобода уже ассоциировалась с юридически регулируемы́ми свободами прессы, высказываний, союзов и т. д. Из российских и французских ответов были сделаны следующие выводы:

- В политическом смысле ассоциации со словом «свобода» следует интерпретировать в связи с трактовкой понятия «власть». Воспринимая власть как «огромную», вездесущую, неограниченную и безнаказанную (законную, институционализированную) силу, российские подростки представляют идеальную свободу ничем не ограниченной. Во Франции, напротив, сталкиваясь с властью закона, подростки воспринимают свободу в ее юридических и социально регулируемых формах, так как свобода гарантируется гражданам законом.
- В психологическом смысле защитниками неограниченной свободы были те, кому в своей стране образование было навязано, или те, чья свобода действий в физическом или психологическом плане была ограничена. Во Франции – это самые юные респонденты, в России к ним следует добавить девочек всех возрастов.

Другими словами, концепция свободы подростков в равной степени была сформирована как в процессе социализации, так и под воздействием личного опыта.

Неожиданной оказалась разница числа респондентов, придающих понятию «свобода» дополнительный юридический смысл, – во Франции таких было 54%, в России – 28%; в обеих странах эти цифры отражали период социализации опрашиваемых. В данном случае подростки связывали свободу с конституционным принципом, с триадой «свобода, равенство, братство», с правами человека или с признанными свободами, такими, как свобода мысли, высказываний или ассоциаций. Разница оказалась еще более удивительной, когда стали сравнивать распределение ответов по гендерной принадлежности: 52% мальчиков-подростков в Париже и 36% в Москве, 55% французских девочек и 22% российских. Концепция свободы с юридическими коннотациями противопоставляется концепции неограниченной свободы, поддержанной русскими девочками.

Какова сегодняшняя ситуация? Как в 2000 г. понимали свободу опрашиваемые нами жители таких разных городов, как Москва и Иваново? Результаты исследования несколько прояснили смысл различий, обусловленных местным контекстом. Спонтанные ассоциации, связанные с ключевыми словами, относящимися к правовой и политической сферам, были более разнообразными в Москве, нежели в Иваново. В отличие от москвичей жители Иваново никогда не ассоциировали свободу с правами человека или освобождением от зависимости, их ассоциации были более поверхностными.

Больше всего не совпадали ответы в гендерных группах. Это проявилось в том, что, как было сказано, женщины Иваново нико-

гда не ассоциировали свободу с правами человека (по сравнению с 3% женщин из Москвы), со свободой ассоциаций (вступления в различные союзы) (1% по Москве) или со свободой передвижения (2,3% в Москве). Они никогда не думали о свободе применительно к ограничению в правах (3% по Москве), большее значение придавали таким распространенным представлениям, как свобода мысли, свобода действий, независимость, возможность не подчиняться приказам (подобные ассоциации возникли только у нескольких женщин в Москве). Что касается свободы выбора, свободы определять способ существования, быть независимой – для женщин Москвы это явление само собой разумеющееся, в отличие от женщин Иваново, среди которых так думали только самые смелые.

Ивановские женщины обладают теми же представлениями, которые были характерны для девочек-подростков Москвы в 1993 г. и от которых женщины-москвички в 2000 г. уже избавились; они вышли из моды в столице, но еще значимы для провинции. Как было отмечено, большинство девочек-москвичек в 1993 г. как нечто детское и нереальное защищали безграничную свободу (волю), которая нами оценена как некий бунт, как «право делать все, что захочется». В 2000 г. 17% женщин в Иваново, но не более 6% в Москве все еще давали ответы такого рода. Непопулярна в Москве и Иваново другая ассоциация: «национальная независимость» или «борьба за независимость» (2% употребили эти словосочетание в столице, 0% в Иваново). Вспоминая о том, как русская интеллигенция в XIX и начале XX в. мечтала о «внутренней свободе» как единственно подлинной свободе, мы были удивлены, что вдвое больше респонденток в Иваново (7%), нежели в Москве (3%) определяли свободу как «свободу внутри себя».

Таблица 1 Процентное соотношение спонтанных ассоциаций со словом «свобода». Женщины, 2000 г.

<i>Ассоциации</i>	<i>Иваново</i>	<i>Москва</i>
Безграничная, абсолютная свобода	17	6
Независимость, возможность не выполнять приказы	17	24
Принципы и символы	16	14
Свобода действий	12	26
Свобода мыслей, высказываний	10	14
Внутренняя свобода	7	3
Свобода, ограниченная свободой других	6	6
Свобода выбора, свобода выбирать как жить	5	17
Деньги	2	0

Сравнив данные табл. 1, мы можем сказать, что для женщин Иваново – конечно же, в первую очередь потому, что их жизнь более

тяжелая, – свобода это прежде всего идеал, мечта: абсолютная, безграничная свобода, жизнь, где не нужно подчиняться ничьим приказам и где никто не имеет над тобой власти. Однако разочарование разрушало эту мечту, что демонстрируют такие, например, ответы на вопрос о том, что такое свобода: «свободу попугаям!» (журналист, 29 лет), «полет птицы, которую ничто не беспокоит, но нужно приземляться» (инженер, 32 года), «полная эфемерность» (журналист, 34 года), «лозунг, пустые слова» (домохозяйка, 40 лет), «чрезвычайно относительное понятие» (учительница, 60 лет), «свободы не существует» (пенсионерка, 59 лет), «свобода требует ответственности и дисциплины» (журналист, 50 лет).

Помимо мечты или, для многих, утопии, о чем еще слово «свобода» заставляло задуматься ивановских женщин? Отчасти о свободе поступков, мыслей и высказываний. Но так как они признавали, что свобода других людей и обязанности по отношению к окружающим накладывают ограничения на личную свободу, последняя стала восприниматься как внутренняя свобода или, по определению многих из них, как «свобода внутри себя». Поэтому свобода выбора вообще и в частности, свобода решать, как жить (свобода выбора способа существования), оказались недостижимой мечтой.

Напротив, ассоциации со словом «свобода» у москвичек мы можем назвать «операциональной» свободой. Ежедневные трудности немногих из них привели к мечтам о безграничной свободе: 6% (т. е. в три раза меньше, чем в Иваново), еще 3% (т. е. в два раза меньше) говорили о внутренней свободе как о единственной. В два раза больше женщин Москвы (26%, в Иваново – 12%) ассоциировали свободу со свободой поступков, кроме того, 24% в Москве и 17% в Иваново связывали это понятие с независимостью, 17% москвичек и 5% жительниц Иваново – со свободой выбирать, как жить; 14% москвичек и 10% женщин Иваново – с правом говорить, что думаешь, благодаря свободе слова.

В представлениях москвичек о свободе совсем нет разочарования. Свобода жить своей жизнью, которую они четко декларировали, не казалась фантазией. Они определяли это следующим образом: «осознанная необходимость» (писатель, 55 лет), «возможность реализовать свое Я» (домохозяйка, 26 лет), «свобода людей выбирать как жить, работать, действовать, думать» (служащая, 43 года), «независимость выбора» (служащая, 47 лет), «необходима человеку, чтобы полностью реализоваться» (продавец, 25 лет). Женщины Москвы – реалистки, они практически не разделяли ребяческих идей о восстании против всеобъемлющей власти, о безграничной свободе и выдвигали более определенные требования, чем женщины Иваново.

Но сталкивались ли женщины этих двух городов с одинаковыми проблемами в повседневной жизни?

1.2. Свобода или необходимость? Работа и семья

Ограничения свободы в повседневной жизни часто бывают вполне осязаемыми – например, недостаток денег или психологические табу, такие, как невозможность что-либо сделать, поскольку «нельзя себе этого позволить». Здесь следует сказать об одном наблюдении: о встречающихся непосредственных ассоциациях свободы с «принадлежностью/присоединением». В Иванове больше респондентов (25%), чем в Москве (18%), спонтанно связали с понятием «свобода» идеи ограничения свободы или, по крайней мере, ее нехватки. Женщины наиболее часто упоминали семью, брачные или любовные отношения в связке с «присоединением»; хотя они использовали это слово и применительно к месту работы.

Что значит работа для женщин Москвы и Иваново? Эти два города оценивали ее по-разному. См. табл. 2.

Таблица 2 Спонтанные ассоциации со словом «работа». Женщины, 2000 г., в %

	<i>Иваново</i>	<i>Москва</i>
Заниматься тем, что нравится, что дает смысл жизни	21	38
Деньги, необходимость обеспечивать свое проживание и содержание семьи	42	31
Позитивное мнение	15	30

Первое различие заключалось в том, что только для пятой части женщин Иваново (21%) и около двух пятых москвичек (38%) работа была «занятием, доставляющим удовольствие», или «чем-то, что делает жизнь осмысленной». Второе различие состояло в следующем: у больше чем двух пятых опрошенных женщин в Иваново (42%) работа ассоциировалась с необходимостью зарабатывать деньги и обеспечивать себе и своей семье приемлемый уровень жизни, в Москве таких 31%. Еще одно различие: только 15% жительниц Иваново положительно оценивали свою работу, в Москве – 30%.

Проще говоря, для женщин Иваново работа не является удовольствием, это, скорее, обязанность, обязательства. Такой пессимизм можно объяснить культурным образцом, типичным и для других стран (более сильно влияющим, правда, на женщин, чем на мужчин): не следует слишком сильно чему-то радоваться, чтобы не сглазить. Учитывая живучесть советских ценностей, точка зрения на работу как на удовольствие социально приемлема скорее для Москвы, чем для Ивановской области, даже при том, что опрос был анонимным. В любом случае, нас не удивило, что работа – больше необходимость, чем удовольствие, в таком экономически отсталом регионе, как Иваново.

Как же дело обстоит с семьей, больший ли это источник удовольствия для женщин Иваново, чем Москвы? Отражают ли ответы русских женщин их фактически двойную занятость – сначала на работе, потом дома? Спонтанные ассоциации со словом «семья» дают нам некоторое представление об этом. Социологические исследования, проводившиеся и в советское время, и в 1993 г. среди подростков Москвы, и в 2000 г. среди взрослых, показали, что опрашиваемые склонны идеализировать семью. Они утверждают, что семья – это место совершенного счастья. Женщины демонстрировали почти полное удовлетворение домашней жизнью и очень тщательно цензурировали свои высказывания о внутрисемейных конфликтах. Позитивно относились к семье 59% женщин Иваново и только 26% москвичек. Что касается различий женщин двух городов, то положительно настроенные москвички склонны рационализировать такую идеализацию семейных отношений, о чем свидетельствует аналитический характер их ответов.

Приведем несколько позитивных ассоциаций со словом «семья», возникших у респонденток в Иваново: «отдых, стабильность» (журналист, 34 года), «любовь и понимание, любовь и вера, дети» (журналист, 52 года), «уют» (хозяйка магазина, 29 лет), «тепло, вдохновение» (домохозяйка, 40 лет), «мой дом – моя крепость» (программист, 30 лет), «счастье» (пенсионерка, 60 лет), «понимание и взаимное уважение» (врач, 39 лет), «главное в жизни» (учительница, 42 года), «тепло, дом» (программист, 45 лет), «всё» (медсестра, 47 лет), «защита» (бухгалтер, 31 год), «равенство» (инженер, 32 года).

Москвички чаще отвечали так: «вдохновение, понимание, помощь» (служащая, 53 года), «убежище от враждебного внешнего мира» (служащая, 40 лет); «что еще лучше – муж, которого любишь, и ребенок, счастье» (портниха, 43 год); «самое дорогое и самое необходимое в жизни» (студентка медицинского училища, 18 лет); «это главное в жизни, если мир и спокойствие в семье, и здоровье, и главное на земле» (пенсионерка, 63 года). Женщины в Москве давали более абстрактные и рациональные ответы. Семья как «последнее убежище» рассматривается все реже (профессор, 46 лет), семья – это «содружество, объединенное не только брачными обязательствами, но подобными им принципами и взаимной любовью» (начальник отдела обслуживания в банке, 29 лет).

Несмотря на большое количество тех, кто полностью поддерживает социально легитимированный образ семьи, следует отметить, что даже если семья осталась в прошлом, для большинства русских ясно, что она – воплощение счастья и полная противоположность свободе. В нашем исследовании (на основе метода избирательных ассоциаций по ключевым словам с ранжированием) только 10% респонденток в 2000 г., так же как и в 1993 г., связывали семью со свободой. Фактически среди женщин старше 40 лет развод ассоциировался со свободой у 43% москвичек и 56% жительниц Иваново. Право разводиться, гражданская свобода, дарованная революцией 1917 г. одной

из первых, всегда рассматривалось как избавление от семейного пресинга или семейных проблем. Однако опрашиваемые не говорили ни об этом давлении, ни об этих проблемах.

2. Отношения к трудовому законодательству и индивидуальным правам

2.1. Местная культура и трудовое законодательство: Иваново против Москвы

Разное отношение к действующему трудовому законодательству наиболее заметно в исследовании 2001 г., причем не между мужчинами и женщинами, а между женщинами Москвы и Иваново. Респондентов просили представить себя главой фирмы и высказать мнение относительно ряда увольнений – были ли они оправданы или нормальны в нескольких гипотетических случаях. В общем, жители Москвы давали более резкие оценки, в отличие от жителей Иваново, но с одной оговоркой: когда речь шла о полном сокращении; мужчины в обоих городах оправдывали увольнения чаще, чем женщины, возможно, потому, что женщина, как правило, является первой кандидаткой на увольнение.

В целом, ивановцы оправдывали сокращения неохотнее москвичей, даже в тех случаях, когда работник действительно заслуживал увольнения (89% ивановцев против 95% москвичей). Когда же, по западным стандартам, работник был не виноват в том, что его уволили, москвичи аргументировали такое сокращение интересами фирмы, ивановцы такого вывода не делали:

- увольнение добросовестного работника для того, чтобы нанять лучшего, одобрили 20% опрошенных в Москве и 14% в Иваново;
- за увольнение часто болеющего работника высказались 30% москвичей и 22% жителей Иваново;
- увольнение работника, не нравящегося работодателю, одобрили 19% опрошенных в Москве и 10% в Иваново;
- увольнение работника, требовавшего обеспечения его прав, оправдывали 39% москвичей и 26% ивановцев;
- за увольнение отказывающегося работать в праздники и сверхурочно, высказались 15% москвичей и 11% ивановцев;
- увольнение работника, убеждавшего остальных коллег бороться за свои права и объединиться в профсоюз, одобрили 27% москвичей и 14% жителей Иваново.

Различия свидетельствуют о выживании в Иваново культуры рабочего класса, базирующейся на правах человека труда. Эта культура практически не сохранилась в Москве, где конкуренция отодвинула подобные ценности на задний план.

Трудовое законодательство в местном контексте

Оценивая принципы, лежащие в основе трудового законодательства, 78% респондентов в Иваново и 70% москвичей считают, что

закон должен быть одинаков для всех, независимо от того, идет ли речь о работниках частной компании или государственной, хотя 18% москвичей и 9% ивановцев убеждены, что частная фирма, где заработная плата выше, может предоставлять работникам меньшее количество льгот (отпуск по болезни и другие оплачиваемые отпуска, право не быть переведенным на другую работу и т. д.).

Есть ли еще причины, по которым трудовое законодательство более уважается в Иваново? Когда опрашиваемых просили перечислить права, гарантированные их работодателем, жители Иваново, особенно женщины, упоминали конкретные права и льготы гораздо чаще, чем москвичи. Процентная разница оставалась постоянной среди жительниц двух городов: 48% в Иваново и 39% в Москве сказали, что работодатель гарантирует им 40-часовую рабочую неделю; 70% в Иваново и 57% в Москве упомянули, что им предоставляют ежегодный оплачиваемый отпуск; 70% ивановчанок и 57% москвичек назвали отпуск по болезни; 69% и 50% – оплачиваемые больничные листы; 60% и 33% говорили как об уважительной причине отсутствия на работе – об уходе за больным ребенком. Такое различие не связано с типом поселений. Соотношение рабочих и служащих было одинаково в обоих городах; но работники в Москве, несмотря на скудную по западным стандартам заработную плату, обладали большими экономическими льготами по сравнению с их коллегами в Иваново.

2.2. Различия в доходах между двумя городами

Доходы на одну семью и на душу населения, о которых сообщают респонденты в нашем исследовании, оказались намного ниже в Иваново, чем в Москве, особенно среди женщин (и работающих, и домохозяек).

Таблица 3 Ежемесячный доход на семью (2001 г., в %)

	Иваново		Москва	
	муж- чины	жен- щины	муж- чины	жен- щины
Меньше 3 тыс. рублей*	4	9	27	62
От 3 тыс. до 15 тыс. рублей	59	59	70	36
От 15 тыс. рублей до 30 тыс. рублей	21	17	3	1

* NB: курс доллара на момент исследования составлял 33 рубля за 1 доллар США

Как показывает табл. 3, ежемесячный семейный доход четверти мужчин и около двух третей женщин в Иваново меньше 3 тыс. рублей (приблизительно 100 евро), в Москве – 4% мужчин и 9% женщин. Две трети опрошенных мужчин и только одна треть женщин в Иваново отнесли себя к группе с совокупным доходом от 3 до 15 тыс. рублей; в Москве – примерно половина мужчин и женщин.

Таблица 4 Ежемесячный доход на человека (2001 г., в %)

	Иваново		Москва	
	муж- чины	жен- щины	муж- чины	жен- щины
Меньше 1 тыс. рублей*	4	7	25	36
От 1 до 5 тыс. рублей	35	51	52	57
От 5 до 10 тыс. рублей	31	20	17	6
От 10 до 30 тыс. рублей	18	13	3	0,5

* NB: курс доллара на момент исследования составлял 33 рубля за 1 доллар США

Четверть опрошенных мужчин и около трети женщин в Иваново получали ежемесячно 1000 рублей (около 30 евро); в Москве – 4% мужчин и 7% женщин. Различия в доходах были менее существенными в группе с ежемесячным доходом от 1 до 5 тыс. рублей (30–170 евро): 57% женщин и 52% мужчин в Иваново и 51% и 35% в Москве, соответственно. Группа, чей доход укладывался в рамки от 5 до 10 тыс. рублей (170–330 евро), демонстрирует нам, что мы сравниваем столицу и провинциальный город, поскольку разрыв увеличивается: 20% женщин и 31% мужчин в Москве и только 6% и 17% в Иваново. Но, исходя из данных таблицы, больше всего различий в последней группе.

2.3. Восприятие человеком своих прав

Такой существенный разрыв в доходах (93% женщины и 77% мужчин в Иваново зарабатывают меньше 5 тыс. рублей в месяц, по сравнению с 58% и 39% в Москве) позволяет понять, почему респонденты этих двух городов трактуют индивидуальные права по-разному.

В Москве мужчины, так же как и женщины, наиболее важными для себя считают: «право собственности», «равенство перед законом», «право пользоваться услугами медицинского страхования и социального обеспечения в случае болезни». При опросе они располагали эти права в одной и той же последовательности.

Для мужчин и женщин Иваново наиглавнейшая цель – «выживание». Три самых важных для себя права они называли в следующем порядке: «право получать заработную плату не меньше прожиточного минимума», «право на социальное обеспечение в случае болезни», «право на получение пособия по безработице».

Эти примеры наилучшим образом иллюстрируют экономический контраст между двумя городами.

В Иваново мужчины, как правило, располагали права по степени важности в том же порядке, что и москвичи, но помещали экономические права перед или на том же уровне, что и равенство перед законом. Для ивановских женщин, которые более часто сталкиваются с ежедневными трудностями, три экономических права имели абсолютный приоритет и всегда оказывались до равенства перед законом.

Мнение женщин Иваново относительно реализации их прав вновь отличалось от позиции других трех групп. Они говорили, что абсолютно не уважается право получать зарплату не меньше прожиточного минимума, остальные респонденты утверждали, что не всем гарантировано равенство перед законом.

Существенно различались ответы жителей двух городов на вопрос о том, какие из индивидуальных прав являются самыми важными для всех российских граждан. В Москве назывались «право собственности» и «равенство перед законом», в Иваново – право получать заработную плату не ниже прожиточного минимума.

**3. Гендер
и местный
контекст**

**3.1. Гендерная социализация и российская культурная модель
(по данным исследования 1993 г. в Москве)**

Как показали исследования правовой социализации в различных странах, традиционные культурные образцы, как правило, предписывают женщинам экспрессивные, эмоциональные роли, мужчинам – функциональный, практический подход. Советская культурная модель, являясь частью российской, укрепляла эту традицию. Новая российско-советская модель культуры обычно оценивает ситуацию в терминах справедливый/несправедливый или хороший/плохой. В 1993 г. девочки-подростки в Москве были склонны описывать вину человека с эмоционально-нравственных позиций, называя ее «плохими поступками».

Уголовные нарушения, квалифицированные по-русски в качестве «преступлений», также по большей части оценивались нравственно – как «чудовищные действия»; а преступники – как «выродки».

Готовность быть репрессированными является частью этой российско-советской модели моральных, эмоциональных оценок; закон и правосудие рассматриваются только с позиции репрессированного. Большое количество опрошенных подростков в 1993 г. считали, что такие законные санкции и справедливы, и необходимы. Среди 16–18-летних респондентов 40–42% девочек и 38% мальчиков были убеждены, что наказание – единственный способ заставить виновного ощутить серьезность своего проступка и помочь ему вернуться на путь истинный.

**3.2. Правовая социализация
как функция местного контекста**

Однако исследование 2000 г., посвященное отношению к закону или когнитивным представлениям о нем, показало, что в этой эмоциональной, морализирующей, репрессивной модели все отчетливее проступает тенденция к более цивилизованному восприятию права (глав-

ным образом в Москве, это нужно особо отметить). Хотя концепция закона и правосудия как репрессивных по отношению к преступности все еще существует, появилось новое представление – о законе, гарантирующем людям их права, о том, что задача правосудия не только наказывать преступников, но и регулировать гражданские споры. Закон наконец-то был признан, так же как в исследовании, проведенном во Франции в 1993 г., социально полезным, облегчающим взаимодействия в обществе. В понятие «вины» все еще входит нарушение, оно заставляет виновного сожалеть о своих действиях и вызывает обязательство возместить ущерб – некая комбинация вины и раскаяния в традиционной российской модели. Однако, подобно уголовным преступлениям, за провинностью как нарушением закона также следует наказание. Эмоциональные, моральные, репрессивно ориентированные ответы респондентов практически исчезли, различия в ответах мужчин и женщин стали менее заметны, изменилась тональность высказываний – главным образом это относится к ответам москвичей. В Иванове же исследование 2000 г. показало, что вышеупомянутые черты российской модели, превалирующие в 1993 г. в московской выборке, оказались достаточно живучими.

Одним из многих факторов, лежащих в основе данной тенденции, можно считать интенсивное распространение информации – через прессу и телевидение (даже сейчас, несмотря на ограничения), через Интернет и прямые контакты с иностранцами, через международную торговлю и туризм. Это, конечно, в большей мере касается столицы и столичных жителей, которые, как было сказано выше, имеют более высокие доходы. Другой фактор – либерализация образования, увеличение количества частных школ. Все это неизбежно должно влиять на социализацию в семье и в школах.

Появившаяся возможность сделать карьеру, фактическая или потенциальная, изменила менталитет женщин. Возросло количество частных фирм, женщины-матери и, вероятно, их дочери имеют перспективы карьерного роста. Дифференциация доходов между Москвой и Иваново подтверждает очевидность этого факта.

В исследовании 2001 г. респондентов в Москве и Иваново просили ответить на следующий вопрос, затрагивающий проблему увольнений: «Если бы Вы были главой фирмы, в каком случае Вы посчитали бы увольнение работника справедливым и/или нормальным? Можно выбирать столько вариантов ответа, сколько необходимо». Мнения женщин двух городов заметно различались: в Москве они были настроены более резко по отношению к работникам, нежели в Иваново, и более жестко, чем мужчины в обоих городах. Отвечая на вопрос, москвички, как правило, рассуждали как деловые женщины, идентифицируя себя с работодателем. Они были часто менее терпимы, чем мужчины, к намеренным или невольным недостаткам работника. Напротив, женщины в Иваново обычно идентифицировали себя с работником. Например:

- 34% женщин-москвичек считали, что оправдано увольнять того, кто часто болеет, в Иваново – 21%;
- 38% в Москве, 22% в Иваново были убеждены, что можно уволить работника, слишком настоятельно требующего обеспечения своих прав (повышения по службе, увеличения зарплаты, сокращения рабочего времени);
- 17% женщин в Москве и 9% в Иваново были согласны с увольнением человека, отказавшегося работать во время отпуска или сверхурочно;
- 27% женщин в Москве и 13% в Иваново с готовностью уволили бы всякого, кто намеревался основать профсоюз или убеждал бы коллег требовать соблюдения их прав.

Это та область, где различия между женщинами двух городов наиболее заметны. Одобрение женщинами Москвы увольнения работников и сострадательная позиция женщин Иваново имеют в своей основе разные способы самоидентификации. Москвички, находящиеся в центре информационных потоков и в окружении большого числа весьма успешных фирм, рассуждали подобно «бизнес-леди» или, по крайней мере, как женщины, мечтающие о продвижении по служебной лестнице, даже если они не были в таком положении. Некоторые из них были счастливы работать в частных компаниях, которые платили им более высокую заработную плату, чем в государственной или общественной сферах, даже когда предприниматель и не предоставлял им законодательно закрепленных трудовых льгот. Особо следует отметить, что они руководствовались ценностями, присущими предпринимателю, и становились на его сторону, оправдывая увольнение работника, всего лишь требующего соблюдения прав, предоставленных ему действующим трудовым законодательством.

Напротив, женщины Иваново, учитывая их очень тяжелое экономическое положение, не могли и представить себя на месте руководителя предприятия. В борьбе за выживание, думая только о том, чтобы накормить свои семьи, они не чувствовали потребности отождествлять себя с работодателями, которые, очевидно, соблюдали трудовое законодательство в этом городе. Психологически они вынуждены были отождествлять себя с работниками.

Что касается знания законов или опыта обращения с ним, то ивановские женщины не уверены в себе. Подобно москвичкам, они проконсультировались бы с адвокатом, но более часто верят (65% ивановчанок против 50% москвичек), что не разбираются в законах, потому что законы не достаточно ясны.

4. Изменения в отношениях человека с законом

Возвращаясь к главному вопросу исследования – как региональный контекст влияет на правовую социализацию человека, стоит выяснить, могло ли измениться отношение к закону у опрошенных в Иваново, подобно тому, как это произошло в Москве, в период с 1993

по 2000 г.? Чтобы найти аргументы, подтверждающие данное утверждение, я проанализировала три глубинных интервью с женщинами из Иваново, взятые в 2002 г. Какие изменения местного контекста за несколько прошедших лет повлияли на восприятие респондентами закона в широком смысле, властных институтов и лиц, обладающих властными полномочиями, а также ситуации с исполнением законов? В первую очередь, предстояло выяснить, как обстоит дело с правовой социализацией и ростом правосознания. Могла ли гендерная социализация стать более совершенной в Иваново, где сильна приверженность ценностям прошлого, объясняемая экономическими трудностями, и где отмечено «выживание» советско-российской модели культуры? Заменяла ли концепция горизонтальной правовой и судебной систем вертикальную? Последняя, характерная для недавней советской эпохи, являлась одновременно и концепцией твердой руки, репрессивной в той же мере, что и охранительной, воспитывала пассивных, послушных индивидов, которые были убеждены, что закон проследит за тем, чтобы их права уважались. В соответствии с концепцией горизонтальной правовой модели граждане, подчиняясь закону, обеспечены равными правами с равными им по положению, они должны учиться тому, чтобы самостоятельно следить за соблюдением своих прав, и, если это необходимо, обращаться за помощью к адвокатам, нотариусам или юридическим консультантам.

Рассмотрим материалы интервью, взятых в Иваново у женщин различных возрастов. Эти три случая, как нам кажется, иллюстрируют переход от концепции вертикальной правовой и судебной систем к горизонтальной, произошедший в сознании респондентов.

Н.В. 57 лет. Пенсионерка. Живут вдвоем с мужем, есть сын. Работала в больнице, потом ее уволили. Пенсия оказалась настолько мала, что на нее невозможно существовать, поэтому Н.В. организовала свое небольшое дело по пошиву одежды. Она одна из немногих женщин, которые, несмотря на наследие советской эпохи и солидный возраст, имеют собственный бизнес. Идеализирует свое прошлое и родителей – отца, «человека с золотыми руками», и мать – очень хорошую хозяйку.

Ее представления о гендерных ролях, о правовой и судебной системах родом из прошлого. На вопрос о наличии каких-либо контактов с правосудием у нее и ее родителей она ответила резко отрицательно. По ее мнению, законы всегда были обязательны для исполнения и имели репрессивный характер; правосудие занималось уголовными делами. Эти убеждения вписываются в советско-российскую культурную модель, основанную на морали и полицейских санкциях за «проступки». Контакты с правосудием предполагают совершение «проступка». Следовательно, «хорошие» люди, подобно ее безукоризненным родителям, никогда не сталкивались со зловещим миром преступности.

Отношения с государственными институтами у Н.В. ассоциировались с оскорблениями, нанесенными ей государственными служащими. Прежде всего, жилищная контора, обслуживающая ее дом, оказалась заменить нагреватель воды в ее квартире, несмотря на то, что обязана была это сделать. Затем, когда она вызвала милицию после того, как ее квартиру обокрали; милиционеры всего лишь осмотрели квартиру и дружески побеседовали с хозяйкой, приняв ее приглашение «на чашку чая».

Н.В. никогда не замыкалась в своем семейном мирке, часто была возмущена неправильным порядком вещей, что, однако, не побуждало к борьбе, из-за безуспешности такого действия, с ее точки зрения. Она согласилась с тем, что давно оставила любую надежду отстоять свои права. «Я одна, – сказала она, – а их много». Это постоянное «они» относилось к государственным чиновникам, независимо от ранга. На вопрос, почему она не борется за свои права, она ответила, что у нее нет сил этим заниматься. Кроме того, ее муж обладает слишком «поплушным» характером и никогда не поддержит ее.

Главная характеристика этой женщины – бесконечное доверие к системе, требовавшей именно этого, а также к окружающему миру. Даже ограбление квартиры она объясняла тем, что квартира не была заперта, и добавляла, что она и представить себе не могла, что кто-нибудь осмелится сделать это, так как «они знали, что это моя собственность». После визита милиции она не могла и подумать, что все предрешено и не будет иметь продолжения: уголовное дело заведено не было, несмотря на то, что она угощала милиционеров у себя в доме.

Н.В. слепо доверяла администрации больницы, в которой работала. Причиной столь маленькой пенсии было то, что она, полностью растворившись в патерналистской иерархии, поверила тем, кто советовал ей не волноваться, так как у нее будут хорошая пенсия и нормальные льготы. Она горько разочаровалась, обнаружив, что больница, воспользовавшись ее пассивностью, начислила ей минимальную пенсию. Нет, вовсе не министерство социального обеспечения ошиблось; именно больница так оценила ее работу и ущемила ее права. Да, ей стало известно об этом в тот момент, когда она могла бы еще что-то сделать, но для нее это было слишком поздно. Ее жизнь прожита, она предпочла позицию наблюдателя. Такова судьба.

Маленький швейный бизнес этой пенсионерки способен повлиять на ее отношения с другими, хотя она не хочет менять своего взгляда на жизнь. «Семейный» способ взаимоотношений с миром предполагал множество разочарований, но она всегда возвращалась к тому типу поведения, который был получен ею «по наследству» от «идеальной» семьи, там не было места конфликтам, и даже если они происходили, то тут же стирались из памяти, как будто их никогда не было. Мы можем предположить, что Н.В. управляла своим швейным делом

(о котором она ничего не сказала в течение всего интервью) подобным образом; но возможно, это и не так. Не исключено, что новый опыт ее чему-нибудь научит; ведь ее компания работает в сфере услуг и получает прибыль, здесь нужна бдительность, а не доверие ко всему миру.

Н.Б. 25 лет. Ассистент кафедры на физическом факультете. Замужем, на момент интервью временно не работала, находясь в отпуске по уходу за маленьким ребенком. Она очень недовольна работой государственных служащих, их халатным отношением к своим обязанностям. В первую очередь это касается милиции, которая не обеспечивала безопасность пустынных улиц в спальном районе, где она жила, не патрулировала их, что усиливало ощущение опасности окружающего мира. Кроме этой ежедневной проблемы, Н.Б. рассказала о трудностях, связанных с дачей: ее регулярно обворовывали во время их отсутствия (крали либо вещи, либо сельскохозяйственную продукцию).

Ее рассказ соединил в себе старое (закон и порядок) и новое (соблюдение гражданских прав) отношение к правовой системе. Она жаловалась на бездеятельность и неэффективность милиции, которая слишком поздно прибывала на место кражи и была не способна обнаружить преступников или найти украденные вещи. Однако в качестве способа борьбы с воровством семья выбрала страхование имущества. Наученная горьким опытом, она вызывала милицию не потому, что надеялась на решение проблемы, в данных обстоятельствах считая это практически невозможным: «у них слишком много дел, они не могут обыскать всю соседнюю деревню». Она вызвала их потому, что страховая компания, чтобы возместить ущерб, требовала детального списка украденного, заверенного милицией. Такую позицию можно отнести и к старой модели поведения, которая предписывала верить во всеильную милицию (и, весьма логично, из нее же проистекали обвинения в коррупции, если милиция не сумела выполнить своей миссии и арестовать виновного), и к новой, так как признавались трудности милицейской работы и принималось решение о заключении договора страхования против воровства. Н.Б. еще не отказалась от прошлого образца поведения: компенсация, полученная ею от страховой компании (50% от ценности украденного) не кажется ей «нормальной». Для нее страхование – мера вынужденная, она прибегла к ней из-за отсутствия лучшего – «нормальной» работы милиции по охране закона и порядка, поимки виновных и невозможности вернуть украденное. Н.Б. пока на границе «перехода» от одной системы ценностей к другой, продолжая мифологизировать милицию, она не задумывалась о низкой заработной плате работников правоохранительных органов и их загруженности работой.

Е.А. 27 лет. Разведена, живет вдвоем с пятилетним ребенком. Это интервью иллюстрирует состоявшийся переход от старой системы ценностей к новой.

Обладая степенью магистра по специальности «английский язык», Е.А. – единственная в нашем исследовании респондентка с высшим образованием, занимала «беловоротничковое» положение в частном секторе, возглавляла представительство московского кадрового агентства и занималась поиском квалифицированных специалистов. В агентстве работала по контракту, профессиональные обязанности выполняла успешно, поддерживала доверительные отношения с клиентами, но знала, когда нужно проконсультироваться с юристом для составления безупречного договора. В отличие от других, не прибегала к моральным оценкам в своих рассуждениях. Она поняла, что для того, чтобы оставаться в хороших отношениях с клиентами, необходимо обеспечивать качество предоставляемых услуг и «говорить правду».

Е.А. призналась в собственной слабости. Она развелась из-за чрезвычайно трудных взаимоотношений с состоятельным мужем, настолько трудных, что шла на любые компромиссы, лишь бы избежать встреч с ним. Неконтролируемая эмоциональность помешала ей разработать нормальную стратегию развода, такую, как какой она обычно прибегала на работе. Ее спасла «благоотворная роль, сыгранная нотариусом». Муж требовал подписать документ, в котором она отказывалась от совместно нажитой за время брака собственности; Е.А. была готова это сделать, но женщина-нотариус убедила ее ничего не подписывать до тех пор, пока она не прочтет документ «на свежую голову».

Эта представительница класса «белых воротничков» была единственной из трех интервьюируемых, которая была удовлетворена текущим законодательством и судебной системой, она не говорила о коррупции государственных служащих и юристов. Несмотря на то, что долгое время в круг ее обязанностей входило оформление документов в государственных инстанциях, Е.А., как и многие другие, кстати, пришла к заключению, что желательно все же воздерживаться от контактов с этими организациями. Однако, приводя отрицательные примеры, она не думала, что эти истории правдивы от начала до конца. Когда у вас есть деньги, вы можете заплатить кому-нибудь, например, пенсионеру, который будет стоять за вас в очередях и получит необходимые вам бумаги. Е.А. была твердо убеждена в полезности обращения за консультацией к юристам, которые гораздо лучше разбираются в правовых вопросах и всегда помогут.

Конечно, новое отношение к праву, демонстрируемое этим интервью, можно связать с тем, что Е.А., очевидно, имела более высокий доход, нежели другие респондентки, даже при том, что мы не знаем, сколько они зарабатывали. Получая заработную плату между 5 и 15 тыс. рублей, она была экономически независима. В Иваново очень немного таких женщин.

В большей или меньшей степени все три наши героини вписываются в новую систему правовых отношений: Н.В. организовала свой

бизнес, несмотря на его небольшой размер; Н.Б. прибегла к услугам системы страхования имущества для покрытия убытков от воровства; Е.А. – по роду своих занятий и взглядам на жизнь.

Учитывая, что социализация, используя установки, полученные в детстве и в юности, дает важные ориентиры для взрослой жизни, мы должны признать, что задача, с которой наши исследуемые должны были справиться, оказалась достаточно сложной, так как им пришлось приспособиться к полностью изменившемуся окружающему миру. На основе этих интервью мы можем только догадываться о том, как наши респондентки были воспитаны. Например, мы можем вообразить, что Н.В. получила весьма конформистское советское воспитание, а ее родители были добрыми и хорошими людьми. Мы многого не знаем о воспитании Н.Б., полученном 30 годами позже (отец – врач, мать – лаборантка). Нам мало известно о воспитании Е.А., данном ей матерью, преподававшей английский язык, и отцом, государственным служащим-юристом. Ее позитивное отношение к правовой системе, вероятно, можно приписать этому отцовскому влиянию. В любом случае, она проявила независимость и инициативу, которые, вероятно, являются следствием ее воспитания.

Первоначально я выдвигала следующую гипотезу: восприятие индивидом действительности, различных социальных действий и закона, который регулирует отношения людей, подвержено воздействию трех факторов.

1. Что касается связи местного контекста с гендерными ролями, усвоенными во время социализации, то первая интервьюируемая проявляла некую зависимость между моделью поведения и ценностями, усвоенными в течение жизни, с одной стороны, и способностью персонального вмешательства, диктуемого изменяющимся контекстом, с которым она должна справиться, с другой. Она предпочитала думать, что это ее судьба, и не пыталась противостоять усвоенным образцам.

2. Степень удовлетворения от того, что контекст обуславливает действия индивида – особенно значимый фактор в третьем случае. Это в меньшей степени существовало и во втором случае, когда интервьюируемая чувствовала себя неудовлетворенной, потому что страховая компания не обеспечила достаточной компенсации, а милиция не поймала воров и не возвратила украденное.

3. Восприятие индивидом его личной способности приспособиться к изменяющемуся контексту зависит от ранней социализации. Третья интервьюируемая, видимо, обладала достаточной уверенностью в себе, чтобы выстраивать свои отношения с окружающим миром, приспособившись к новым социальным условиям.